

трудах экстраординарного академика П. В. Никитина», в которой признавали «повышение П. В. Никитина в звание ординарного академика вполне заслуженным им знаком внимания к его почтенной и плодотворной ученой деятельности»⁴⁰. Никитин был утвержден ординарным академиком по классической филологии и археологии с 18 апреля 1898 г.

Сразу после своего избрания в 1888 г. Никитин включился в работу коллегиального учреждения. Царивший в то время в Академии наук корпоративный дух располагал к сотрудничеству ученых близких специальностей и обязывал ее членов участвовать в изданиях и проектах, предпринятых предшественниками-одиночками. По словам С. Ф. Ольденбурга, «нигде, кажется, кладбище незаконченных научных трудов не достигало таких страшных размеров, как именно у нас в России. Причины этого печального явления, увы, нам вполне ясны: русский ученый работает обыкновенно с громадной увлеченностью, он вкладывает всю душу, всего себя в свою работу, планы его громадные, он верит в свои силы, в свою способность совершить чудо — одному сделать работу троих; вместе с тем он, обыкновенно, индивидуален, боится организации и сотрудничества, ему всегда кажется, что кто-то посягнет на его индивидуальные подходы и построения»⁴¹. Никитину выпало на долю завершить ряд академических проектов, и в это дело он вложил исключительно много внимания и труда.

П. В. Никитин и А. К. Наук

Вскоре после вступления Никитина в академическое сообщество Август Наук пригласил его принять участие в подготовке указателя слов, встречающихся во фрагментах трагиков (*Tragicarum dictionis index*). Наук задумал эту работу в 1889 г., после того как вышло 2-е, переработанное издание его *Tragicorum Graecorum Fragmenta*, объемом более 1000 страниц. Однако почтенный ученый не решился приступить к этому предприятию,

⁴⁰ Л. Н. Майков в конце 1897 г. доложил Константину Константиновичу: «Считаю долгом сообщить Вашему императорскому Высочеству, что вчерашний день был у меня В. В. Латышев, и что я, применяясь к разговору с Вашим Высочеством, позволил себе сказать Василию Васильевичу об изъявленном Вами согласии на представление экстраординарного академика Никитина в ординарные. Право внести такое представление имеет один только Латышев, как единственный ординарный академик по классическому разряду, — по обычаю же полагается по этому разряду быть двум ординарным академиком. Разумеется, со стороны Латышева последовало согласие»: Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 67. Л. 153. Письмо Л. Н. Майкова Константину Константиновичу от 27. 12. 1897. Л. 153.

⁴¹ *Ольденбург С. Ф.* Работа А. С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // *Русский исторический журнал.* 1920. Кн. 6. С. 167–168.

опасаясь, что не доживет до его окончания. В предисловии к указателю он написал, что только обещание помощи со стороны Никитина, *collegae eruditissimi et diligentissimi*, побудило его взяться за этот труд⁴². Сбор материала был поручен нескольким филологам, по преимуществу петербуржцам, редакцию приняли на себя Наук и Никитин, которые проверили весь собранный материал. Наук и Никитин как редакторы условились делить труд поровну, но Наук в это время ослеп на один глаз, и большая часть работы легла на плечи Никитина. Помимо общего редактирования Никитин собрал материал на букву «к» и обработал некоторые отделы указателя, порученные другим сотрудникам, когда они сильно запаздывали или вовсе не исполнялись; ему же принадлежала корректура всего труда. Наук прямо говорил о том, что «если труд этот удовлетворяет требованиям, какие предъявляются к подобным изданиям, то этим ученая публика будет всего более обязана усердию и умению нашего Петра Васильевича»⁴³. Указатель вышел в свет в 1892 г., уже после смерти А. Наука.

Никитин нашел в бумагах своего старшего коллеги, переданных в академический архив, готовый к печати текст трех стихотворных Канонов Иоанна Дамаскина и примечания к нему. Этими канонами Наук заинтересовался, занимаясь фрагментами трагиков. Каноны были столь популярны у византийских писателей, что они нередко цитировали то или другое место из канонов без указания имени автора. Классические филологи нового времени часто принимали стихи церковного автора за отрывки утраченных произведений языческих трагиков или эпиков. Наук еще в самом начале своей деятельности исправил несколько ошибок такого рода. Никитин в 1893 г. представил Историко-филологическому отделению подготовленное Науком издание, значение которого, по его словам, заключалось главным образом в том, что тут «в форме комментария впервые сопоставлен этот обширный материал цитат, важный отчасти для установления текста канонов, и еще более для правильного суждения о других произведениях византийской, особенно грамматической литературы»⁴⁴. Никитин позаботился о том, чтобы последний труд Наука увидел свет⁴⁵. По отзыву Латышева, окончательная обработка «Канонов» была выполнена Никитиным «с той

⁴² *Tragicae dictionis index spectans ad tragicorum Graecorum fragmenta ab Augusto Nauck edita*, Petropolis, 1892. P. II.

⁴³ *Ibid.* P. IV.

⁴⁴ Протоколы заседаний ИФО. Заседание № IV. 23 февраля 1893. § 31.

⁴⁵ *Iohannis Damasceni Canones iamblici cum commentario et indice verborum ex schedis Augusti Nauck editi // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersburg*. 1894. Sér. 3. T. 4 (36). P. 105–121.

безукоризненной акрибией, которая отмечает все труды его, причем прибавленный им полный index verborum значительно возвысил достоинство издания»⁴⁶.

П. В. Никитин и В. Г. Васильевский

Одним из первых значение трудов Васильевского отметил академик Куник, который хлопотал о его избрании в Академию наук с 1878 г., но добился этого лишь в 1890 г. В своем представлении Васильевского в ординарные академики Куник писал: «Только с появлением многочисленных трудов В. Г. Васильевского стало все более и более укореняться у нас убеждение в значении византиноведения как специальной науки, достойной неусыпной деятельности»⁴⁷. Именно Васильевский создал школу русских византистов, своим учителем его называли В. Э. Регель, П. В. Бездобразов, Х. М. Лопарев, Б. А. Панченко. В 1894 г. вместе с Регелем он создал и редактировал специальный журнал по византиноведению „Византийский временник“»⁴⁸.

Благодаря общению с Василием Григорьевичем интерес к византиноведению появился и у арабиста Розена, для которого Византия представляла «непочатый клад, одной стороной уходящий в область, составлявшую предмет его специальности, арабский мир, а другой... в славянские культурно-исторические вопросы»⁴⁹. При помощи данных арабских источников события византийской и славянской истории освещал ученик Розена и Васильевского А. А. Васильев.

Обаяние личности Василия Григорьевича испытал на себе и Петр Васильевич Никитин. Сам Васильевский горячо поощрял увлечение Никитина Византией. «Что Вы все более втягиваетесь в Византийскую область, — писал он Никитину в 1899 г., — этому многие радуются. Да, разве наконец, она уж так враждебна классической прелести? Что Вы скаже-

⁴⁶ Латышев В. В. Памяти Петра Васильевича Никитина. С. 933.

⁴⁷ Куник А. А. Записка академика А. А. Куника об ученых трудах члена-корреспондента Имп. Академии наук В. Г. Васильевского. СПб., 1890.

⁴⁸ Васильевский вспоминал: «Когда возникла мысль об издании специального журнала по византиноведению, он восстал против предложенного наименования нового органа «Византийским обозрением», находя это слишком *будуарным*, слишком рассчитанным на рекламу, и в угоду ему было придумано название «Византийский временник», все-таки отзвучающее некоторым почтенным архаизмом»: В. Г. Васильевский. А. А. Куник // ВВ. 1900. Т. 6. Вып. 3–4. С. 631.

⁴⁹ Март. Н. Я. Барон В. Р. Розен и христианский Восток // Памяти барона Виктора Романовича Розена. СПб., 1909. С. 17.